

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Институциональная среда,
структуры и факторы коллективных
действий в России

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Instituz_sreda.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА, СТРУКТУРЫ И ФАКТОРЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИИ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

К. Клеман

На взгляд социолога, общий уровень коллективной пассивности российских трудящихся представляется удивительно высоким. Официальная статистика фиксирует наименьшее количество забастовок в России относительно других европейских стран. Слабая общественная активность российских трудящихся поражает еще больше, если сравнить ее с резким падением жизненного уровня работников.

Конечно, нельзя игнорировать те всплески протестного движения, которые имели место в разные моменты постсоветской России — особенно в 1989–1991 и 1998 гг. — и те маломасштабные акции протеста, которые проходят постоянно по стране на отдельных предприятиях или в школах. Но эти акции незаметны на макросоциологическом уровне, часто ускользают даже от официальной статистики, не скоординированы между собой, и мало освещены прессой.

Проведенные нами полевые обследования¹ были призваны объяснить низкий уровень социальной активности работников, который, на наш взгляд, не только препятствует улучшению их собственного положения, но и улучшению экономической ситуации страны в целом. Последние исследования все более отчетливо указывают на значимость неформальной составляющей социально-трудовых отношений², как фактора структурирования повседневной жизни работников и фактора, препятствующего коллективной активизации. Попытаемся выявить, каким образом и в какой степени формальные и неформальные правила трудовых отношений препятствуют коллективным действиям, как они соотносятся между собой.

Сразу оговоримся, что как формальные, так и неформальные структуры имеют двойное социальное значение. С одной стороны, они служат необходимыми предпосылками для действия, сотрудничества и конфликта. Что касается неформальных правил, то они нередко приносят работникам возможность выжить, улучшить свое материальное положение и субъективно утвердиться. Не игнорируя эту сторону, мы все же сосредоточим свое внимание преимущественно на разрушительных эффектах влияния формальных и неформальных правил на почву социальных действий и взаимодействий. Наконец, наше понимание термина «структуры» включает в себя и субъективную составляющую повседневной жизни людей, и возможность для людей воздействовать на эти структуры, т.е. сходно с его интерпретацией в теории структуризации Гидденса³.

ФОРМАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Говоря о формальных структурах, мы имеем в виду относительно стабильную совокупность взаимосвязанных между собой правил и норм, писанных и фиксированных, влияющих на повседневную жизнь людей, способствующих одним действиям и препятствующих другим. Что касается проблемы коллективных действий, нам представляются особенно важными исто-

¹ Обследования проводились автором данного раздела с 1993 г. на 20 российских предприятиях с использованием методов анкетирования, глубоких и структурированных интервью и даже включенного наблюдения (см.: Clément K. Les ouvriers russes dans la tempête du marché (1989-1999). P.: Syllepse, 2000).

² Особенно внимательно прослеживались неформальные составляющие в ходе исследования трудовых отношений, проводимого под руководством В.А. Ядова с сентября 2001 г. Центром изучения социальных трансформаций Института социологии РАН (см.: Клеман К. Формальные и неформальные правила структурирования трудовых отношений // Хозяева и работники / Под ред. В.А. Ядова. М.: Академический проект, 2004).

³ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.

рические структуры, структуры материальной жизни, социальные структуры, политические и экономические, а также идеологические структуры.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Историческое наследие и его структурное воздействие на нынешнюю реальность очень противоречивы, тем более что советская история перегружена идеологическими оценками. Что касается образа прошлого, который складывается в представлениях работников, можно выделить образ социальной стабильности и защищенности, ощущение того, что тогда можно было жаловаться, и тебя слышали, ощущение уверенности в завтрашнем дне. Все это воспринимается как положительные аспекты прошлого, сегодня утерянные. С другой стороны, мало кто унаследовал от советского прошлого чувство принадлежности к «передовому рабочему классу», многие считают, что «тогда и никакого рабочего класса не было, и сегодня его нет». На уровне повседневной жизни продолжают проявляться (в другой форме и с другим смыслом) тенденции к патернализму (делегирование верхним инстанциям заботы о себе) и к предпочтению открытому конфликту неформальных тактик «выкручивания».

Наконец, несмотря на сохранявшийся миф о коллективизме рабочего класса, сегодняшние рабочие, наоборот, очень раздроблены и атомизированы. Конечно, в Советском Союзе коллективизм был скорее вынужденным, или, как минимум, «функциональным»¹, а класс скорее «предписанным»². Тем не менее, коллективы существовали (бригады, профкомы, трудовой коллектив) и даже имели некоторое значение для рабочих, которые могли найти в них ресурсы или социальную защиту. Сегодня от этого коллективизма осталось одно название и, время от времени, намеки в СМИ о трудностях превращения «коллективистских» рабочих в индивидуальных наемных работников, успешно (или менее успешно) конкурирующих между собой.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Резкое падение уровня жизни и заработка в начале 90-ых годов, и особенно потеря прежних социальных гарантий имели глубокие травмирующие последствия для сознания рабочего человека. Больше десяти лет люди жили и работали в условиях нарастающей социальной дестабилизации и неуверенности в завтрашнем дне. Всего лишь несколько лет наблюдается некая стабилизация или ощущение стабилизации: по крайней мере, зарплата уже более или менее платится вовремя. Но тенденция недостаточно длительна, чтобы забылись травмы, и окрепла под ногами почва. Ведь для того, чтобы выстоять, надо сначала твердо стоять на ногах. А социальная почва пока весьма хрупка. Достаточно будет упомянуть о сохранившейся боязни потерять работу, проявленной большинством рабочих.

СЛАБОЕ ДОВЕРИЕ К ПРОФСОЮЗАМ

И исследования на предприятиях, и общероссийские опросы показывают, что профсоюзы не являются реальными институтами защиты прав наемных работников. Последние мало доверяют профсоюзам, и нередко критикуют их за бездействие и даже за пособничество по отношению к администрации предприятия. Поскольку профсоюз не воспринимается как «свой» институт, он не в силах ни организовать людей, ни внедрить солидарные установки в рабочую среду. И сами работники мало участвуют в профсоюзной деятельности, мало пытаются воздействовать на профсоюзное руководство, чтобы то активизировалось. Этот порочный круг пока редко удается порвать. Хотя есть и исключения. Новые альтернативные профсоюзы обычно бывают более активными и близкими к своей социальной базе. Наблюдается также тенденция к обновлению некоторых «старых» профсоюзов, под воздействием одновременно недовольства «снизу» и изменения политики «сверху» (проведение антипрофсоюзной линии или, наоборот, проведение реального социального партнерства).

¹ Ядов В.А. (ред.) Солидаризация в рабочей среде. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. С.6.

² Fitzpatrick S. Ascribing class. The construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. №65.

СЛАБАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Наши и многие другие исследования показывают, что отличительной характеристикой трудовых отношений на российских предприятиях в период наиболее острого социально-экономического кризиса 90-х годов, стала их атомизация или раздробленность, т.е. отношения «один на один» в системах иерархического взаимодействия — между руководителями и подчиненными¹. Словами рабочих эти взаимоотношения с работодателями и даже между собой описываются лейтмотивом «каждый сам за себя», или «каждый сам по себе».

Наблюдения за поведением рабочих на предприятии соответствуют данным определениям. Когда речь идет о самых главных для них вопросах — работа, зарплата — они чаще всего действуют индивидуально и даже иногда в соперничестве друг с другом. Например, если кого-то решили уволить, то редко кто из коллег заступает за товарища, боясь обратить на себя внимание. Вопрос о зарплате каждый решает сам, чаще всего прямым обращением к начальнику (опять-таки по схеме отношений «один на один»). Бывают и жалобы на тему, «а что он получил столько-то, а я меньше, хотя работаю столько же!». На многих заводах, особенно на самых кризисных, или на тех, где происходят жесткая реструктуризация и изменение правил, элементы коллективизма близки к нулю. Рабочие, прежде всего, озабочены самовывживанием, самосохранением.

Тем не менее, можно наблюдать и «острова» коллективизма — в основном в микроколлективах, в неформальных сетях «выкручивания» или на некоторых предприятиях, где появляется новая модель неопатерналистской или корпоративной солидарности². Последние термины указывают на тип взаимоотношений единого трудового коллектива — работников и администрации, которые вместе солидаризируются в интересах успешной деятельности завода. Однако доминантная тенденция ведет к раздробленности, атомизации и разрушению коллективизма.

ВЕСОМОСТЬ ИЕРАРХИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Моделям горизонтальной солидарности противостоят более распространенные модели вертикальной солидарности: неформальные сети выкручивания, неопатерналистские или корпоративные схемы солидарности, которые предполагают более сильное взаимодействие с начальством, чем с товарищами по работе. Это выражается в том, что, например, в случае нарушения трудовых прав, большинство работников предпочитают обратиться к прямому начальнику, а не к коллегам по работе, в суд или профсоюз³.

Своеобразную форму иерархического сотрудничества представляют собой неформальные сети «выкручивания». Бывают и горизонтальные сети, в рамках микроколлектива, когда работники оказывают друг другу взаимопомощь и прикрывают друг друга. Но этот тип взаимоотношений чаще всего структурирован по вертикальному принципу, когда один или несколько рабочих налаживают особенные, привилегированные контакты с кем-то из начальства. Вступая в такие взаимоотношения, рабочий и начальник оказывают друг другу какие-то услуги. Например, начальник или мастер закрывают глаза на отсутствие рабочего на рабочем месте, или на его «свободный» режим работы, или на его подработку, но в обмен рабочий соглашается на бесплатную сверхурочную работу, или на личные услуги (ремонт квартиры, работа на стороне в пользу начальника). Такие схемы очень распространены. На некоторых кризисных заводах они даже структурируют отдельную сферу трудовых отношений и «альтернативного производства». Эти сети в высшей степени неформальны («альтернативны»). С одной стороны, они позволяют некоторым рабочим успешно «выкручиваться», а с другой стороны подвергают их прямому вертикальному контролю одним начальником (или лидером сети), у

¹ Клопов Э.В. Переходное состояние рабочего движения. // Социологический журнал, М., 1995, №1; Кабалина В.И. (ред.) Предприятие и рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период. М.:РОССПЭН, 1997; Максимов Б. Говорят рабочие Кировского завода. М.: Школа рабочей демократии, 1998.

² Климова С.Г. Трудовые отношения: персонификация или солидарность // Хозяева и работники / Под ред. В.А. Ядова. М.: Академический проект, 2004

³ См.: Заславская Т.И. Неправовые трудовые практики и социальные трансформации в России // Социологические исследования, 2002, №6.

которого больше власти, связей и иных необходимых сетевых ресурсов. В случае с подобной вертикальной сетью, положение участников настолько неравное, неформальное и неправовое, что вряд ли можно говорить о возможности солидарного действия работников. Такая структуризация скорее напоминает клиентелистский тип взаимоотношений. Явное преобладание вертикального типа взаимоотношений над горизонтальным типом представляет собой весомое препятствие к коллективным действиям¹.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Структуры политического и экономического типа настолько переплетены в современной России, что можно рассмотреть их совокупное воздействие на повседневную жизнь работников. Они играют предопределяющую роль в процессе активизации или отката активистского потенциала. Многие социологи указывают на значение политической системы и «структур политических возможностей», которые, с одной стороны, ограничивают протестный потенциал движения, а с другой, - создают предпосылки для протеста². И в России наблюдение динамики коллективных действий подтверждает эту взаимосвязь между экономико-политическими структурами и протестным движением, по крайней мере, на макро-уровне. Относительно высокая социальная активность 1989-1991 гг., которая привела Б. Ельцина к власти, сменилась периодом ее спада вплоть до 1994 г. Октябрьский кризис, разрушивший доверительное отношение к власти, а также обострение экономического кризиса привели к росту коллективных акций. Основное их отличие от акций периода 1989-1991 гг. заключалось в том, что они проходили не в форме демонстраций, а в более жестких формах сопротивления, в виде забастовок, перекрытия дорог, голодовок, захвата предприятий и т.п. Ужесточение происходило по мере того, как становилось очевидным, что традиционные меры неэффективны, когда усиливается борьба за собственность.

На период с 1997 по 1999 гг. пришелся пик коллективных действий, отмеченный такими явлениями, как «рельсовая война», продолжительные эксперименты рабочего контроля над производством (например, на целлюлозно-бумажном комбинате Выборга, на ясногорском машиностроительном заводе), или «палаточные городки» (например, в Ярославле или Астрахани). В то же время кризис легитимности власти достиг своего апогея. Стачкомы и демонстранты требовали отставки Ельцина и жестко противостояли новым собственникам, купившим заводы с целью перепродажи или спекуляции. Недовольство политической властью и олигархами нарастало.

С приходом Путина во власть социальная активность резко снизилась. И на сегодняшний день она достигает самого низкого уровня. Новой путинской власти удалось создать собственный образ, который соответствует ожиданиям населения, играя на патриотическом и антиолигархическом настроениях, на востребованности порядка и стабильности, а сегодня - даже и на стремлении к социальной справедливости (т.н. «борьба против бедности»). Благодаря удачному манипулированию этими ценностями и монополизации административных ресурсов путинская власть де-факто уничтожила политическую оппозицию, которая могла бы служить референтом для социальных движений. В то же время в экономическом плане власть крупных предпринимателей укрепляется, что сказывается на ослаблении позиций профсоюзов и наемных работников на предприятиях.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ

В последнее время отмечают также изменения официальных норм (законов) и провозглашенных ценностей. Как мы уже отметили, ценности, на которые ссылаются работники чаще всего, в значительной степени соответствуют официальной идеологии новой российской власти, что не способствует появлению оппозиционно настроенного социального движения, основанного на альтернативных ценностях; по крайней мере это касается формально провоз-

¹ Obershall A. Social Conflict and Social Movements. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1973.

² Tarrow S. Power in Movement. Social Movement. Collective Action and Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.

глашенных ценностей. Во время правления Ельцина ситуация выглядела иначе: во многом, официальная идеология, которая воспринималась как поощрение беспредела и обогащения любыми средствами, расходилась с провозглашенными работниками ценностями. И уровень активности, действительно, был в среднем выше, чем сейчас.

Законодательные нормы в период Путина также меняются быстрыми темпами. В основном новые законы нацелены на ограничение свободы и возможности коллективных действий. Это и проект закона о митингах, и новый Трудовой Кодекс, сузивший законные рамки для забастовок, и закон о борьбе против экстремизма, под действие которого может попасть любой оппозиционно настроенный активист, и многое другое. Если к этому добавить еще и активизацию деятельности органов правопорядка и спецслужб, то становится понятно, что общий государственный порядок препятствует общественной деятельности.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Различие между формальными и неформальными структурами коллективного действия носит чисто аналитический характер, поскольку они переплетены и взаимосвязаны. Поэтому и в ходе наших предыдущих размышлений мы уже упоминали неформальные правила структурирования социально-трудовых отношений. Отличие неформальных правил в том, что они являются неписаными, не провозглашаются открыто, и проявляются скорее в повседневных практиках работников. Их изучение требует использования методов качественного полевого исследования. Мы основываем наш анализ на результатах глубинных интервью и наблюдений.

ЗНАЧИМОСТЬ НЕФОРМАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Полевые исследования показывают, что в структурировании трудовых отношений неформальные правила в существенно преобладают над формальными. Эта неформальность касается всех областей трудовых отношений и представляется очень разнообразной, отражаясь в многочисленных практиках и проявляясь в разной мере на различных предприятиях. Что касается режима труда, к неформальным правилам можно отнести практики устных и меняющихся распоряжений мастера или начальника в обход формальных инструкций, практику взаимозаменяемости и выполнения многих функций, неформальное определение квалификации, практики переработок, гибкий и не фиксированный график, и т.п. В высокой степени неформальными представляются правила приема и увольнения, которые формально соответствуют закону, а в действительности же *«всегда найдут причину, чтобы уволить»* или убедить уйти «по собственному желанию». Как уже отмечалось, неформальность особенно ярко проявляется в социальных отношениях на работе, где преобладают межличностные связи, стремление установить «хорошие» или «человеческие» отношения с начальством, сети «выкручивания» и взаимопомощи. В области трудовой дисциплины формально узаконенная приказами дирекции дисциплина не только нарушается работниками, но и сами критерии наказания кажутся рабочим и руководству далеко не определенными и к тому же не стабильными. Правила меняются в зависимости от того, что многие называют «человеческим фактором». Особенно впечатляет изобретательность работников и начальников в неформальных играх, сопровождающих практики пьянства. В целом дисциплина труда кажется большинству работников неясным, абстрактным понятием. Она формально есть, а на практике — «как получится». Правила, касающиеся дисциплины, особенно гибки и зависимы от их интерпретации начальством и от их конкретного применения. Между тем, формальные правила существуют и всегда могут быть использованы в случае, если кого-то надо наказать. Наконец, правила начисления заработной платы, как известно, тоже весьма туманны и неформальны, начиная с зарплаты в «конверте» и заканчивая неоплатой скрытых трудовых затрат (мастерство, «выкручивание» на рабочем месте и т.п.), не говоря уж о неопределенности премиальной части зарплаты.

Вышеназванная неформальная составляющая трудовых отношений усиливает управляемость и подчиненность большинства наемных работников (тех, кто неудачно играет по неформальным правилам). Но еще важнее с точки зрения нашего предмета — последствия захвата неформальностью правовой сферы, поскольку коллективные акции напрямую связаны с за-

щитой прав. В этой области наше исследование выявляет, с одной стороны, широкое распространение практики нарушения формальных трудовых правил и, с другой стороны — слабое внимание, уделяемое этим нарушениям со стороны рабочих. Большинство представителей руководства признают, что, в случае необходимости, они всегда находят способ обходить свои какие-то законные обязанности, при этом формально соблюдая букву закона. С другой стороны, и у рабочих правовое сознание не развито. Они не видят большого смысла в законных или писанных правах, и не очень ими интересуются. Но права — это формальная норма, и если ее нет, или если ее существование отрицается, то прав действительно нет. И, на самом деле, рабочие часто вообще отрицают наличие у них каких-либо прав: «*Не то что я не уверена в своих правах, а просто их у нас нет!*», «*Мы вообще бесправные. О каких правах сегодня можно говорить! Как хозяин завода скажет, так и будет*», «*Виноват всегда он (рабочий). Он должен быть виноват. Он все равно крайний!*», «*Нет никаких прав, одни обязанности (...). Кто сильнее, тот и прав*», «*У нас права — одни руки*».

Рабочие (так же, как и начальство) интерпретируют неправовую ситуацию на заводе как последствие всеобщего «беспредела» в стране: «*На бумаге одно, а на деле совсем другое (...)* И так по всей России», «*В нашей стране мы особенно прав своих и не знаем!*», «*Куда еще пойти рабочему человеку, если административный беспредел везде? (...)* Ни один закон не работает». И действительно, проблема не столько в отсутствии прав, сколько в слабости институтов, способных принудить к их реализации. Из-за отсутствия механизмов применения формальных прав, а также из-за недоверия к ним, эти нормы теряют всякую эффективность. И даже снижение уровня законной защищенности (например, реформа Трудового кодекса) не изменит ситуацию. Низкий уровень правового сознания рабочих отражает общий климат «неформальности» в обществе. И чем больше они вовлечены в сферу «неформальности», тем меньше они могут действовать на формальном правовом поле.

Распространенность неформальных практик указывает на значимость неформальных норм в российском обществе, которые на простом языке можно охарактеризовать термином «беспредел», или известной поговоркой о том, что «спасение утопающего — дело рук самого утопающего». Такие принципы полностью соответствуют «неолиберальной» или «постмодернистской» идеологии построения общества. «Систематические проблемы такого общества становятся в меньшей мере политическими и постепенно трансформируются в проблемы личных неудач»¹. Но если наши полевые исследования о рабочих о чем-то информируют, то это как раз о том, что пространство для личного выбора и возможности самоутверждения, безусловно, ограничены прочными структурами социального или властного неравенства. Тем не менее, миф о свободном сверхчеловеке и об индивидуальной самореализации все прочнее укореняется в российском обществе. И он оборачивается для многих рабочих чувством неполноценности и неспособности.

НЕФОРМАЛЬНАЯ «ЛОВУШКА»

Все рабочие следуют неформальным правилам и нормам более или менее активно, но в целом не меньше, чем начальство или руководство. Неформальный характер правил способствует процессу крайней индивидуализации и раздробленности. Он подрывает саму возможность вступить во взаимодействие с кем-то еще, доверить кому-то, разрушая прочность и стабильность рамок взаимоотношений. И, как отмечает Зигмунд Бауман вслед за Пьером Бурдьё, «нет состязания без доверия»², т.е. борьба за свои права, обусловленная существованием этих минимальных рамок, становится невозможной. Неформальность еще больше ослабляет формализованные организации и доверие к ним или к формальным нормам и правам. Осознание собственной несправедливости делает борьбу за свои права бессмысленной. Наконец, неформальная среда укрепляет убеждение, что выгоднее всего действовать в обход формальных правил, игнорируя ответственность и обязательства. Рабочие действуют в одиночку, один на один с

¹ Согомонов А.Ю. Солидаристические утопии "высокой" современности // Солидаризации в рабочей среде (под ред. В.А. Ядова). М.: Институт социологии РАН, 1998. С.179.

² Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С.36.

начальником. Они предпочитают «договариваться» с начальником, «торговаться», «шантажировать», или апеллировать к «человеческим отношениям». Конечно, не только рабочие вовлечены в неформальную сферу, но все же они больше теряют и страдают от этого, менее готовы противостоять такому процессу. Новые гибкие, неформальные и неопределенные трудовые взаимоотношения делают менее ресурсных работников более уязвимыми. «Как давно уже заметил Мишель Крозье, свобода от неудобных уз, неловких обязательств и сдерживающих движение зависимостей всегда была действенным и излюбленным орудием господства»¹.

При отсутствии фиксированных, санкционированных государством норм, трудовая сфера создает гораздо более благоприятные условия для действий ресурсных групп, чем для людей с недостатком нужных ресурсов. Сильно ресурсные довлеют над слабыми в навязывании своих правил. Такими ресурсами, ценными в сфере неформальности, является не только материальный капитал, но и связи, знание, мобильность, отсутствие прочных обязательств, способность ориентироваться в ситуации с высокой степенью неопределенности. Малоресурсным группам необходимы минимальные нормы защиты. То, что для сильно ресурсных групп является освобождением от обязательств, для мало ресурсных оборачивается угрозой отчуждения и сверхэксплуатации. В этом смысле, Люк Болтанский и Эв Кьяпелло пишут об «эксплуатации немобильных людей мобильными»². В трудовой сфере мобильные не зависимы от конкретного рабочего места или завода, управляют сетями, могут обойтись без формальной защиты и без жесткого определения правил. Такие черты характеризуют скорее управляющих или рабочих с дефицитной профессией и высокой самооценкой. Но в большинстве своем рабочие нуждаются в формальной защите и в формализации обязательств. Как отмечают Т.И. Заславская и М.А. Шабанова: «Чем менее благоприятные позиции занимают работники на шкале социальных неравенств, тем чаще нарушаются их трудовые права, и тем меньше шансов эти права отстоять»³.

НЕОБХОДИМОСТЬ «СВОИХ» ПРАВИЛ

Несмотря на то, что рабочие, скорее, проигрывают от неформальных отношений, они вступают в них, играют и действуют по неформальным правилам, даже не всегда осознавая это. Причины можно увидеть в преобладающем неформальном характере норм и правил, структурирующих сегодняшнее российское общество и в выигрышном социальном положении тех, кто обладает большими неформальными ресурсами. Большинство рабочих относятся к неформальным правилам либо положительно («я сам», «я хитрее всех»), либо индифферентно («выкручиваются там, с левыми заказами, ну, и пусть, не завидовать же!»). Очень немногие высказываются против, критикуют, хотели бы по-другому. Ведь как по-другому? Формальные правила положительно не оцениваются, и вызывают большое сомнение в том смысле, что на них можно сослаться, что они применяются на практике.

Поэтому с разной степенью успешности и одобрения все худо-бедно действуют по неформальным правилам. А если это помогает некоторым улучшить свое положение в индивидуальном плане, то в плане коллективной защиты прав, неформальные правила ничего не дают, по крайней мере в том виде, как они сегодня существуют. Редчайшие исключения, как то забастовки не по правилам, не могут быть основанием для иной характеристики общего положения дел.

Какие могут быть нормативные предпосылки к коллективным действиям? Ведь наличие норм и ценностей необходимо для координации действий и конфликтов. Вариантов несколько, но один необходимый элемент должен присутствовать: чтобы нормы, соблюдаемые и ценимые подчиненной социальной группой, отличались от норм, принятых в господствующей социальной группе. А в настоящий момент у российских рабочих и у работодателей - скорее, одинаковые нормы и ценности. На первом месте — неформальное индивидуальное или межличностное

¹ Бауман З. Цит. соч. С.34.

² L.Boltanski; E.Chiapello, *Le nouvel esprit du capitalisme* [Новый дух капитализма], Париж, Gallimard, 1999, с.455-456

³ Заславская И., Шабанова М.А. Проблема институционализации неправовых практик в сфере труда / Куда идет Россия? М.: 2002. С.141.

«выкручивание». Такая нормативная установка практически исключает возможность социальных конфликтов. Чтобы она появилась, необходимы нормативные изменения в одном из следующих двух направлений. Либо рабочие станут оценивать и защищать формальные законы и правила, которые укрепляют их права, в отличие от работодателей, которые их игнорируют. Либо в рабочей среде возродятся «свои» неформальные правила, отличные от тех, которым следуют властные группы, где во главе угла будут, например, солидарность и справедливость.

ФОРМЫ И МАСШТАБЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

М.А. Минин

РЕПЕРТУАР КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Современный репертуар коллективных действий («совокупность средств для достижения требований разного типа со стороны индивидов или групп»¹) крайне широк и постоянно пополняется. В самом общем виде под протестом понимается «решительное возражение против чего-либо, заявление о несогласии с чем-либо, о нежелании чего-либо»². Определяя социальный протест как «коллективное действие или систему коллективных действий, направленных на изменение систем представительной и/или исполнительной власти, проводимой государственной политикой или взаимоотношений между гражданами и государством в целом»³, мы исключаем из рассмотрения действия, рождающиеся из противоречий между интересами, скажем, работников и работодателей. С. Тэрроу определил протест как «использование разрушительных коллективных действий, нацеленных на институты, элиты, властвующие и другие группы и совершаемых для достижения некоторых коллективных целей и требований протестующих». Он также выделил пять основных компонентов протестного действия: 1) прямой характер, посредством которого отвергается институциональное посредничество; 2) возможность насилия, которое является ультимативной формой протеста; 3) экспрессивность протеста — протестующие часто не способны заявить инструментальные требования и выражают протест ... с помощью аллегорических обвинений и неадекватной лексики; 4) обращенность требований протестующих на другие группы или элитные группировки; 5) наличие, несмотря на экспрессивность протеста, определенной стратегии при выборе форм поведения, объекта критики и собственных целей⁴. Здесь речь идет об акциях, предполагающих насильственные действия (или возможность их применения), т.е. исключаются мирные, ненасильственные протестные действия. Поэтому мы воспользуемся наиболее общим определением протеста.

Приведем краткое описание основных форм протестных акций.

Бойкот — демонстративное прекращение отношений с кем-либо в знак протеста. Нередко бойкотированию подвергается продукция, произведенная в странах, с курсом внешней политики которой протестующие не согласны, или компаниями, чья деятельность вызывает протест.

Подписание резолюций / воззваний / петиций, обращения к властям. Одна из наиболее мирных форм протеста. Как правило, подписанием подобных документов оканчиваются митинги; нередко к таким шагам прибегают голодающие, бастующие и участники пикетирования.

Гражданское неповиновение — «тактика протеста, ...характеризующаяся организованным несоблюдением определенного закона с целью привлечь внимание к его несправедливости и спровоцировать власть к применению крайних мер. Неповиновение сочетается с ненасилием и соблюдением остальных законов»⁵.

¹ См. Tilly C. *The Contentious French: Four Centuries of Popular Struggle*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1986. (Цит. по: Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODAT-SPb) / Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. С.151).

² Социологический энциклопедический словарь / Ред. Г.В. Осипов. М.: ИнфраМ — Норма, 1998. С.274

³ Jenkins J.S., Klandermans B. (eds.) *The Politics of Protest. Comparative Perspectives on State and Social Movements*. Univ. of Minnesota Press, UCL Press, 1995. P.6.

⁴ Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Цит. соч. С.150.

⁵ Социологический энциклопедический словарь. С.202.

Голодовка — сознательное добровольное ограничение, которое индивид / группа накладывает на потребление пищи (в случае «сухой голодовки» — и воды) с целью добиться выполнения своих требований. Эта ненасильственная форма протеста не отличается массовостью, однако привлекает внимание общественности и СМИ в силу существования реальной угрозы для здоровья и даже жизни протестующих.

Забастовка — согласно Госкомстату, это временная приостановка работы, преднамеренно осуществляемая группой работников с целью удовлетворения различных требований. В ст.398 Трудового Кодекса РФ она определяется как «временный добровольный отказ работников от исполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) в целях разрешения коллективного трудового спора». В статьях 410-414 ТК РФ указаны правила организации и проведения забастовки. Однако на то, чтобы организовать забастовку в соответствии с действующим трудовым законодательством, уходит порядка 2 месяцев. И поэтому акции, являющиеся по сути забастовочными, но возникшие стихийно (без проведения установленных законодательством процедур, а потому являющиеся «незаконными»), профсоюзные работники предпочитают называть приостановками работы.

Отказ покинуть рабочее место. Особую известность эта форма протеста получила в связи с «подземными шахтерскими забастовками» 1994–1995 гг., которые заключались в отказе шахтеров подняться на поверхность, т.е. покинуть свое рабочее место. Остаться на своем рабочем месте в знак протеста против чего-либо не означает начать забастовку с точки зрения закона о конфликтах. При этом достигается желаемый эффект — остановка предприятия. В соответствии с действующими положениями о безопасности и организации подземных работ нельзя продолжать работы, допускать в шахты новую смену до тех пор, пока оттуда не вышли те работники, чей срок пребывания под землей истек¹.

Манифестация / демонстрация — «публичное, как правило, массовое выступление в поддержку каких-либо требований, выражающих солидарность или протест»². Такие акции, как правило, носят организованный ненасильственный характер.

Митинг — «массовое собрание для обсуждения злободневных вопросов текущей жизни в поддержку каких-либо требований, для выражения солидарности или протеста»³. Поскольку такая форма предполагает публичные выступления, на проведение митинга необходимо получить разрешение. На практике, митинги зачастую вспыхивают стихийно. Устроителями организованных митингов обычно выступают различные партии, общественные, профсоюзные организации и т.п. Стихийные митинги вспыхивают, как правило, на предприятиях, вкуче со стихийными же приостановками работы. Например, 26 февраля рабочие Таганрогского комбайнового завода, не получив обещанных долгов по зарплате, приостановили работу и провели стихийные митинги, на которых обсуждались дальнейшие действия. Подобные действия повторились и 14-15 мая, когда выяснилось, что администрация не торопится с погашением долгов⁴.

Шествия / марши протеста. Эта мирная форма протеста активно использовалась работниками науки, образования, здравоохранения, ЖКХ, персоналом атомных электростанций. Например, «поход» ученых на Москву 24-27 июня 2002 г.⁵ Как правило, марши протеста сопровождаются митингами.

При *пикетировании* протестующие собираются у здания и доводят свои требования до представителей власти / администрации предприятия при помощи плакатов. Иногда пикетики также препятствуют свободному входу и выходу из здания. Выбор объекта пикетирования зависит от того, против чего направлен протест. В случае задержек зарплаты объектом акции становится здание заводоуправления / администрации предприятия, в случае несогласия с проводимой государством политикой — здание правительства или парламента, с действиями иностранных государств — посольство этого государства, с действиями отдельных

¹ Бизюков В. Подземная шахтерская забастовка (1994-1995) // СОЦИС, 1995, №10. С.45.

² Социологический энциклопедический словарь. С.167.

³ Там же. С.184.

⁴ См.: Бюллетень АСТИ Хроника Рабочего Движения. 2003. №6, 17.

⁵ См.: Бюллетень АСТИ Хроника Рабочего Движения. 2002. №25, 26.

компаний — офисы / представительства этих компаний. В Москве уже появилось «классическое» место проведения подобных акций — Горбатый мост у Дома Правительства. Согласно действующему законодательству, устроителям достаточно уведомить о пикете правоохранные органы и органы власти.

Символический протест — наиболее «молодая», разнообразная и активно развивающаяся форма. Протестующие для акцентирования своих требований используют символы, образы. Так, несогласие с политикой КПСС в конце перестройки зачастую выражалось публичным сожжением партбилета, протест против недавних военных действий американцев и британцев в Ираке — преданием огню чучел Дж.Буша и Т.Блэра и флагов США и Соединенного Королевства. К такому типу акций можно отнести и протест воркутинских шахтеров, стучавших касками по Горбатовому мосту. Часто символический протест выливается в костюмированные театральные представления — здесь в пример можно привести акции Greenpeace и первомайскую акцию СПС в защиту малого предпринимательства (2003). Такие акции, представляющиеся в высшей степени зрелищными (и потому отвечающие духу современного «глобализующегося» общества), требуют от устроителей немалых творческих и организационных талантов и, нередко, финансовых затрат, однако сама суть протеста подчас теряется, «растворяется» в зрелище. Символический протест, как правило, сопровождается (или сопровождает) митинги, демонстрации, шествия, пикеты и пр. Такая форма протеста редко бывает стихийной: используемые образы необходимо придумать и продумать.

Перекрытие транспортных магистралей. При использовании такой формы протеста люди выходят «живым щитом» на автомобильную дорогу, железнодорожное полотно или взлетно-посадочную полосу, препятствуя движению транспорта и нанося тем самым ощутимый вред экономике (что и делает эту форму протеста заметной для властей и достаточно действенной). Наиболее известный пример этого типа протестных действий — «рельсовая война» шахтеров (май-июль 1998), хотя подобными методами борьбы пользовались и работники науки, образования, здравоохранения, машиностроения и пр.

Захват предприятий (окупационная забастовка). Рабочие устанавливают свой контроль над предприятием, не допуская представителей администрации и властей на завод. Иногда протекает с захватом заложников — представителей администрации, наоборот, не выпускают с территории завода. Таких акций за историю постсоветской России было относительно немного, однако они вызвали широкий общественный резонанс — достаточно вспомнить захват предприятий и организацию «рабочего контроля» на Выборгском ЦБК (Ленинградская область), Ясногорском машиностроительном заводе (Тульская область), Ленинградском металлургическом заводе и Ленинградском комбинате цветной печати (Санкт-Петербург) и др.¹

Вооруженные восстания, бунты, мятежи. Крайняя форма массового протеста, носящая насильственный характер (нередко с применением оружия), направленная на свержение действующей власти.

Террористические акты. Согласно Уголовному Кодексу РФ, терроризмом считается «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»².

Существует несколько подходов к систематизации репертуара протестных действий. Наиболее известным является, пожалуй, деление акций протеста на ненасильственное легитимное поведение (протестующие не применяют насилие и не выходят за рамки закона — как, например, в случае бойкота, голодовки, подписания резолюций / воззваний / петиций и т.п.), ненасильственное нелегитимное поведение (протестующие не применяют насилие, но

¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И., Рудык Э.Н. Рабочее движение в России: новая фаза протеста / Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М.: Экономическая демократия, 2001.

² Уголовный Кодекс Российской Федерации. Ст.205.

нарушают закон — как в случае гражданского неповиновения, стихийных приостановок работы, несанкционированных митингов и т.п.) и насильственные действия (это в основном такие крайние формы протеста, как терроризм, захват предприятий, бунты, мятежи)¹. Основаниями данной классификации можно считать: а) степень применения насилия, и б) степень законности действий.

Предлагается также разделение акций протеста на 1) забастовки на предприятиях и 2) публичные акции протеста (митинги, пикетирования, голодовки и т.п.)². На основе анализа временных рядов Д. Стребков показывает, что на участие населения в акциях первого типа оказывают влияние экономические факторы (уровень реальной заработной платы, задержка зарплаты), на участие в акциях второго типа же — иные (факторы политического, психологического, информационного характера). Таким образом, основание для этой классификации — детерминанты протестного поведения.

Наконец, обсуждается деление протестных акций на первичные / спонтанные / естественные («акции протеста, которые возникают и формируются независимо от конфликтов в политических элитах и органах власти»), вторичные / проектируемые / производные («акции протеста, которые являются проекцией политической борьбы и конфликтов в структурах власти, в политических и экономических элитах»)³. Данная классификация, при всей своей актуальности, имеет существенный недостаток: сложность практического применения. В действительности отделить проектируемые акции от спонтанных представляется крайне затруднительно ввиду ограниченности информации. Примером может служить конфликт на Выборгском ЦБК (эта ситуация будет описана ниже). Данная классификация может несколько исказить понимание факторов и условий прохождения конкретных акций. Так, далеко не все забастовки можно объяснить конфликтами в политических элитах и органах власти, однако, если они организованы в соответствии с законодательством, они в принципе не могут быть спонтанными.

ДИНАМИКА АКЦИЙ

Е.А. Гвоздева, М.А. Минин

Основными источниками информации о численности участников различных акций протеста могут служить помесечные данные Государственного комитета статистики РФ (по числу бастующих трудовых коллективов, численности участников, величине неотработанного рабочего времени) и помесечные же данные МВД (по числу участников забастовок, голодовок, митингов, пикетов, шествий)⁴. Разумеется, «своя» статистика велась и профсоюзами, но в большинстве случаев она сводилась к подсчету участников конкретных акций в конкретных отраслях и регионах, а для получения общероссийской картины, профсоюзные организации были вынуждены также пользоваться данными Госкомстата.

Согласно данным Госкомстата, протестная деятельность россиян наиболее активно выражалась в 1997 г., когда состоялось наибольшее количество забастовок (17007). С этого момента, с некоторыми скачками, протестная активность неуклонно пошла на спад и на сегодняшний день данные свидетельствуют о практически нулевой протестной активности работников.

¹ Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990. С.216.

² Стребков Д.О. Экономические детерминанты протестного поведения населения России. // Экономическая социология, 2000. Т.1, №1.

³ Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Цит. соч. С.153.

⁴ Статистика акций протеста, ведущаяся профсоюзами, основывается в основном на данных Госкомстата. В ней учитываются только акции, проводимые профсоюзами (т.е. имеющие социально-трудовой характер). О положении дел в собственно профсоюзной статистике см.: Карелина М. Численность профсоюзов: тенденции и проблемы / Профсоюзное пространство современной России. М.:ИСИТО, 2001. С.59-62.

К примеру, в третьем квартале 2003 г., по данным официальной статистики, на территории страны не было зафиксировано не одной забастовки, в то время как практически ни одно средство массовой информации не обошло вниманием забастовку рабочих Северо-Уральского бокситового рудника 1 октября 2003 г. Аналогичным образом, официальной статистикой не были учтены выступления рабочих Выборгского целлюлозно-бумажного комбината в феврале 1998 г. и другие локальные акции протеста, получившие активное освещение в СМИ.

С другой стороны, официальная статистика фиксирует «формальные» забастовки, подготовленные в соответствии со всеми юридическими нормами, но реально либо не проводившиеся вовсе, либо проводившиеся по согласованию с руководством в форме, не наносящей материального ущерба производственному процессу. Значительная часть таких забастовок проводилась в рамках Всероссийских акций протеста.

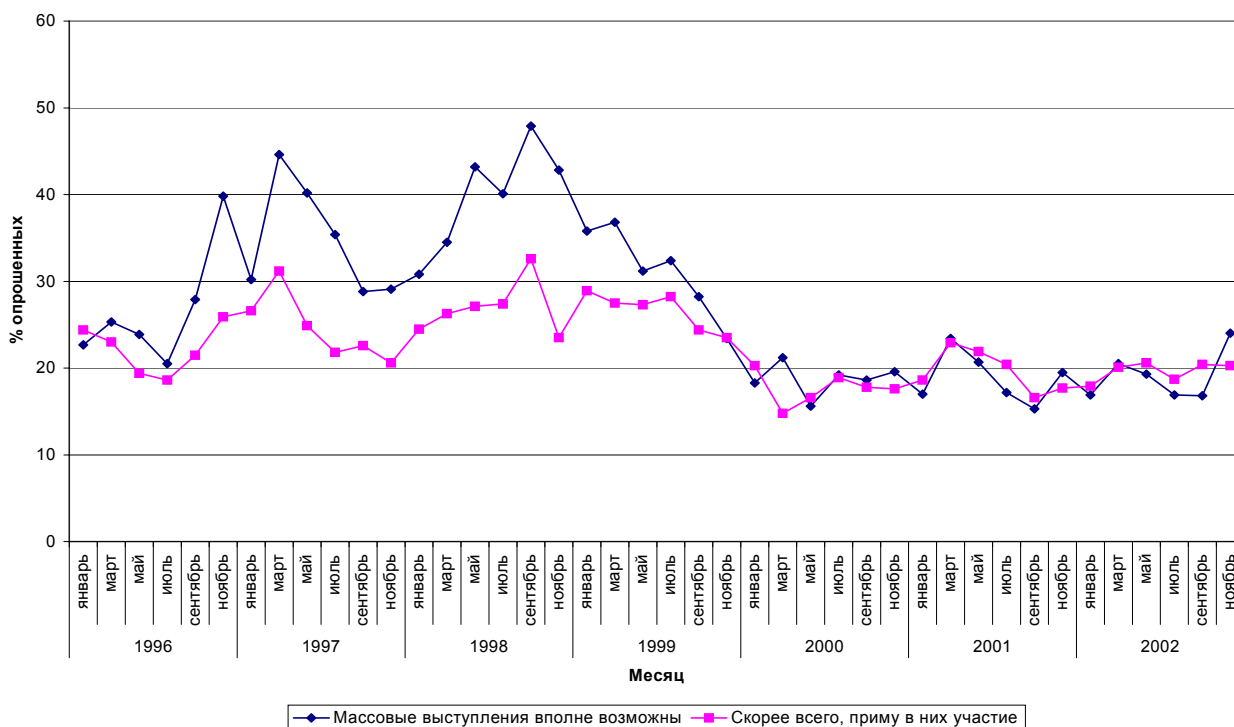

Рис.3. Показатели протеста россиян, 1996-2002. Данные Мониторинга ВЦИОМ

Также обращает на себя внимание тот факт, что согласно данным Госкомстата РФ, число зарегистрированных забастовок на предприятиях, как правило, практически в 2 раза превышает число коллективно-трудовых споров (КТС). К примеру, В 1999 г. было зафиксировано 4606 коллективных трудовых спора и 7285 забастовок. Принимая во внимание, что согласно законодательно установленным процедурам, забастовка может быть логическим завершением процедуры, когда коллективно-трудовой спор остался неразрешенным, однако он может быть разрешен и иными способами, в том числе - и мирным путем. Таким образом, число забастовок всегда должно быть меньше числа зарегистрированных коллективно-трудовых споров, а соотношение КТС и забастовок в данных Госкомстата может свидетельствовать как о значительных погрешностях в сборе информации, так и о незаконности значительного числа зарегистрированных забастовок.

Табл. 7. Показатели терпения и готовность к экономическим протестам

Год	Индекс терпения	Готовность участвовать
1994	1,9	23
1995	1,6	24
1996	1,5	22
1997	1,4	25
1998	1,0	27

Источник: ВЦИОМ, Мониторинг, объединенный массив за 1994–1999 гг. (N = 84570 человек), 1998 и 1999 гг. (N = 2400 человек).

Иную сторону забастовочной активности — протестную мотивацию и ожидания российских граждан, позволяют увидеть данные различных социологических опросов. Несмотря на весьма значимые различия исследовательских методов и выдвигаемых гипотез, результаты большинства исследований, как проводимых крупными социологическими центрами (Аналитический центр Юрия Левады, ВЦИОМ, ФОМ, и др.), так и более мелкими исследовательскими лабораториями демонстрируют снижение протестного потенциала и низкий уровень доверия к профсоюзным организациям у российских граждан начиная с 1998 г.

Согласно данным опросов Фонда «Общественное мнение» и ВЦИОМ, пик протестной активности и протестных настроений приходится на 1998 г.

Таким образом, можно выделить несколько «всплесков» забастовочной активности:

1. Январь–февраль 1996 г. В феврале 1996 г. число бастующих достигло 172 тыс. человек. Связано это в первую очередь с тем, что 30 января–1 февраля прошла всероссийская забастовка работников образования. Далее (март–июль) следует «затишье», связанное с выборами (и использованием в преддверии их различных технологий, направленных на снижение социальной напряженности).

2. Следующий скачок забастовочной активности был гораздо более мощным и продолжительным — с августа 1996 по март 1997 г. с пиком в феврале 1997 г., когда число бастующих достигло 309 тыс. человек. Далее — очередное относительное «затишье» перед новой бурей.

3. В августе 1998 г. число бастующих составило всего 2 тыс. человек. Однако разразившийся экономический кризис серьезно подхлестнул протестную активность населения: с сентября 1998 по февраль 1999 г. бастовало не менее 50 тыс. человек в месяц (а в пиковые октябрь 1998 г. и февраль 1999 г. — 196 тыс. и 134 тыс. человек соответственно).

Уже к 2000 г. наблюдается резкое снижение протестных ожиданий, значительно чаще высказывается мнение о том, что массовые выступления пойдут на спад¹. О своей личной готовности принимать участие в акциях протеста, начиная с 1999 г. респонденты также говорят значительно меньше.

В целом, начиная с 2000 г., с приходом к власти В.Путина, результаты большинства социологических опросов демонстрируют резкое снижение показателей реальной и потенциальной протестной активности населения. Доля опрошенных, отмечавших существование социальной напряженности и выражавших готовность принять участие в акциях протеста, стабилизировалась (на уровне около 20% опрошенных).

Однако перед властью остается еще много нерешенных проблем, и протестные действия не сошли на «нет». Почему люди продолжают протестовать? Какие факторы побуждают население участвовать в акциях протеста?

Возможность высказывать собственное мнение, в том числе и отличное от позиции властей, является одной из основ демократического общества, его нормального развития. Насколько протестное движение России отвечает «нормам» демократического общества? Отражает ли оно интересы граждан или является лишь проекцией борьбы элит между собой?

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Чтобы дать краткий социально-демографический портрет «протестующей России», выберем периоды, максимально различающиеся по степени распространенности протестных настроений граждан.

Ноябрь 1996 г. — начало одной из наиболее значительных забастовочных волн в истории России тогда бастовало 112 тыс. человек. А в марте 1997 г. наблюдался пик этой волны — в забастовках участвовало 309 тыс. человек. В то же время на ноябрь 1996 г. приходится пик числа участников митингов (682,33 тыс. человек), шествий (131,66 тыс.) и пикетов (114,24 тыс.), в марте 1997 г. число этих типов акций было сравнительно невелико (14,13 тыс.; 0,0 тыс. и 11,79 тыс. человек соответственно).

¹ Фонд "Общественное мнение". Всероссийские опросы городского и сельского населения, 1997–2004 гг.

Сентябрь 1998 г. характеризовался самым высоким за все время проведения *Мониторинга ВЦИОМ* уровнем протестных настроений в российском обществе: 47,9% опрошенных заявили о возможности выступления населения в их населенном пункте против падения уровня жизни, в защиту своих прав, при этом 32,6% выразили готовность принять в них участие. В забастовках по всей России участвовало порядка 79 тыс. человек (огромный скачок по сравнению с 2 тыс. бастующих в августе).

Наконец, май 2000 г. — самый «спокойный» период. Страна еще жила президентскими выборами, на которых В. Путин победил «за явным преимуществом». По данным опроса ВЦИОМ, лишь 15,6% опрошенных говорили о возможности массовых выступлений, и только 16,6% — о готовности принять в них участие. Забастовочной активности отмечено не было.

Табл. 8. Социально-демографический портрет «протестующей России», %

	Массовые выступления возможны					Скорее всего, приму в них участие				
	Нояб. 1996	Март 1997	Сент. 1998	Май 2000	Март 2004	Нояб. 1996	Март 1997	Сент. 1998	Май 2000	Март 2004
Возраст										
До 25 лет	37	43	44	19	19	19	19	22	18	22
25-39 лет	38	45	48	13	19	23	35	34	17	20
40-54 года	40	48	50	12	19	32	35	34	18	15
55 лет и старше	43	43	49	19	20	28	31	37	15	15
Пол										
Мужской	39	46	49	16	19	27	35	38	17	20
Женский	40	43	47	15	19	25	28	29	16	18
Образование										
Высшее	44	47	52	13	13	23	25	23	12	13
Среднее	39	47	50	17	20	25	34	34	19	21
Ниже среднего	39	41	44	14	21	28	31	34	16	18
Место жительства										
Москва и С.-Петербург	40	48	52	21	16	13	15	14	7	9
Большие города	49	55	61	23	25	32	36	29	17	16
Средние города	н/д	н/д	54	14	21	н/д	н/д	34	13	17
Малые города	39	47	46	14	20	32	36	39	20	23
Села	29	29	35	12	16	27	35	34	20	21
Регионы										
Москва и С.-Петербург	40	48	52	21		13	15	14	7	
Север	40	44	43	11		29	31	33	13	
Юг	28	50	53	16		18	32	35	20	
Волга-Урал	40	36	43	17		27	25	29	19	
Сибирь и Дальний Восток	49	48	55	17		38	43	43	21	
В среднем по России	40	45	48	16	19	26	31	33	17	19

Источник: Данные 1998 и 2000 гг. — Единый архив социологической информации; данные за ноябрь 1996 и март 1997 гг. — Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. М.: МШПИ, 2000. С.144-147; Вестник общественного мнения. 2004. №3. С.84.

Представители разных возрастных групп примерно одинаково оценивали социальную напряженность: расхождения составляли всего 6–7 п.п. Гораздо заметнее были отличия в самооценке потенциала активности. В сентябре 1998 г. наименьшим протестным потенциалом обладали молодые респонденты (готовность участия — 22%), а наиболее «заряженными» на протест оказались пенсионеры и люди предпенсионного возраста, которые пострадали больше всего от скачка цен — 37%. В мае 2000 г., напротив, наибольшую готовность протестовать выказывала именно молодежь, а наименьшим протестным потенциалом обладали, напротив, лица старше 55 лет. Фактически, доля молодых респондентов, заявляющих о желании протестовать, оставалась стабильно низкой в течение всех периодов, тогда как у других возрастных групп этот показатель сильно менялся в зависимости от обстановки в стране.

Мужчины и женщины практически не расходились в оценках степени напряженности ситуации, однако в периоды повышенной забастовочной активности (как было в марте 1997 и сентябре 1998 гг.) мужчины демонстрировали заметно большую готовность участвовать в акциях протеста.

Люди с высшим образованием тревожнее других оценивали общественную ситуацию, но они менее всех были готовы принять участие в акциях протеста. Наименее образованные слои населения составили костяк «протестного движения» в сентябре 1998 г., лица со средним образованием — в мае 2000 г.

Жители двух столиц выказывали наименьшую готовность участвовать в акциях протеста, хотя довольно высоко оценивали вероятность проведения таких акций. Разрыв между вторым и первым показателем монотонно нарастал с ноября 1996 по сентябрь 1998 г. (с 3,1 до 3,7 раз) и в мае 2000 г. вернулся к «традиционному» показателю (3,0). Социальное напряжение острее чувствуют жители больших городов, однако наивысшую готовность принять участие в акциях проявляют жители малых городов. Видимо, это связано с тяжелым положением в малых городах, многие из которых были построены «вокруг» одного предприятия. Ниже других оценивают вероятность массовых акций в их населенных пунктах сельские респонденты, вероятно, из-за трудности их организации, однако протестный потенциал селян высок.

«Полюсом протеста» можно назвать Сибирь и Дальний Восток — жители этих регионов заявляют о своей готовности принять участие в массовых акциях чаще жителей других регионов РФ. Наименее протестными оказались, естественно, Москва и Санкт-Петербург.

ФАКТОРЫ ПРОТЕСТА

М.А. Минин

Российские социологи используют несколько основных подходов при выявлении факторов коллективного протеста.

Экономический подход. Его сторонники исходят из того, что протестующие прежде всего реагируют на факторы экономического характера — падение уровня жизни, рост цен, низкую зарплату, ее задержки и т.п. По мнению А. Кинсбургского, «вклад идеологических и политических факторов в формирование нынешнего (1997 г. — М.М.) уровня социального недовольства в целом невелик и значительно уступает по весу факторам экономического, материального порядка»¹.

Согласно *депривационному подходу* (концепции относительной депривации), механизмом, запускающим протест, является чувство недовольства своим настоящим, обусловленное разрывом между уровнем ожиданий и возможностями их реального воплощения. Этот подход ориентирован на психологические факторы протеста.

Политический подход. Согласно этой концепции, активность индивида в проявлении протеста, в обращении к протестным действиям, связана с тем, насколько он интересуется политикой, вовлечен в политическую жизнь, верит, что может повлиять на политические решения, насколько высоко он оценивает вероятность того, что его протест будет услышан. «...С конца брежневской эпохи и до настоящего времени негативное отношение к прежнему режиму и поддержку политических и экономических преобразований выражали представители младших поколений, образованного слоя, в ценностных предпочтениях которых приоритетное место занимали либеральные и демократические ориентации, и именно они составляли ряды политических активистов, участвовавших в конвенциональной и протестной политике или готовых прибегнуть к протесту в случае необходимости. Основные факторы, повышающие вероятность обращения к протесту, связаны не с депривацией, а с политикой — вовлеченностью в нее, приверженностью демократическим ценностям, позитивными аттитюдами к новому режиму»².

¹ Кинсбургский А.В. Социальное недовольство и потенциал протеста. // СОЦИС. 1998. №10. С.93.

² Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива. // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Т.1. Вып.4.

Наряду с экономическими, политическими и психологическими факторами можно встретить упоминания и других факторов. А. Бузгалин, помимо хронических невыплат зарплаты, называет факторы осознания работниками несправедливого отношения с ними со стороны новых собственников предприятий, переделы собственности, разворовывание предприятий их же собственниками, что может привести к массовым увольнениям и ликвидации предприятия как такового¹. Б. Максимов обращает внимание на организационные факторы, а также на борьбу интересов неких влиятельных групп². Д. Стребков выделяет четыре основные группы факторов, влияющих на протестное поведение: экономические (непосредственно влияющие на материальное положение людей), политические (активная деятельность партий и движений, отдельных политических или профсоюзных лидеров), информационные (влияние СМИ, зачастую предоставляющих информацию в искаженном виде, что может вести как к нагнетанию, так и к разрядке обстановки) и социальные (безработица, преступность, национальные конфликты, прочие индикаторы социальной стабильности)³.

Следует отметить, что практически во всех отечественных работах по данной теме рассматриваются отдельные факторы протестного поведения, что, очевидно, искажает понимание реальной природы и механизма протестных действий.

Попытаемся расширить рамки анализа. Понятие протеста тесно связано с понятием конфликта, который определяется как «столкновение противоположных интересов, целей, взглядов, идеологий между индивидами, социальными группами, классами»⁴.

Конфликтология выработала две модели описания конфликта: процессуальную и структурную. Процессуальная модель делает акцент на динамике конфликта, возникновении конфликтной ситуации, переходе конфликта из одной фазы в другую, формах конфликтного поведения, конечном исходе конфликта. В структурной модели акцент переносится на анализ условий, лежащих в основе конфликта и определяющих его динамику.

Обратимся к процессуальной модели конфликта и выделим основные фазы его протекания. Первая фаза — предконфликтная — характеризуется формированием конфликтной ситуации (накоплением и обострением противоречий между сторонами). Для того, чтобы конфликт перешел во вторую фазу — назовем ее активной — необходим повод, искра, от которой разгорится огонь конфликтных действий. Именно на этой стадии развития конфликта применяются протестные действия. Дальнейшее развитие конфликта определяется, безусловно, возможностями и волей сторон этого конфликта. Однако вечно противостояние продолжаться не может, и конфликт переходит в финальную стадию, или стадию разрешения конфликта — либо одна из сторон одержит верх над другой, либо будет найден компромисс. При этом отдельные участники конфликта могут выразить несогласие с найденным выходом и инициировать новый конфликт. Так, например, большинство работников предприятия могут удовлетворяться частичным погашением долгов по зарплате и прекратить забастовку, в то время как наиболее решительно настроенные члены коллектива могут перейти к более радикальным действиям и объявить голодовку с требованием выплаты всех долгов.

Если, вслед за А. Г. Здравомысловым⁵, принять за основание типологизации движущие силы конфликта, можно выделить конфликты потребностей (т.е. возникающие по поводу ресурсов), конфликты интересов (по поводу позиций, которые обеспечивает возможность получения определенных благ) и ценностные конфликты (столкновение различных идеологий, противоположные интерпретации целей общественного развития).

Воспользовавшись процессуальной моделью конфликта, разделим факторы протеста на три группы: (1) факторы формирования конфликтной ситуации, (2) факторы проведения акции

¹ См.: Бузгалин А.В. От отчаяния к конструктивным действиям: протестное рабочее движение в России 90-х превращается в альтернативное. // Альтернативы. 1999. №4.

² См.: Максимов Б.И. Классовый конфликт на Выборгском ЦБК: наблюдения и анализ // СОЦИС, 2001, №1.

³ См.: Стребков Д.О. Экономические детерминанты протестного поведения населения России. // Экономическая Социология. 2000. Т.1. №1. С. 48-49.

⁴ Социологический энциклопедический словарь. С.141.

⁵ Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М.: Аспект пресс, 1994. С.100-129.

и (3) факторы участия в акции. Эти группы факторов «вступают в действие» на разных стадиях развития конфликта.

Факторы первой группы не имеют непосредственного отношения к акциям протеста, однако именно они формируют фон социальной напряженности, из которой возникают конфликты и протестные действия. Они призваны ответить на вопрос: «почему (по какой причине) произошла данная акция?». В этой группе можно выделить следующие факторы:

Экономический фактор. Речь идет о материальном благосостоянии протестующих (уровень зарплаты, задержки по зарплате, уровень цен и пр.) Чем ниже уровень зарплаты или выше темпы роста цен и размеры задолженности по зарплате, тем выше протестная активность.

Фактор лояльности. Протест может вспыхнуть из-за противоречий на идеологическом уровне. Чем меньше население поддерживает власть и проводимый курс, тем выше протестная активность.

Депривационный фактор. На протестные настроения влияет оценка человеком своего положения. Чем негативнее эта оценка, тем выше уровень социального недовольства.

Фактор ожиданий. Чем более пессимистично население в оценках своего будущего, тем распространеннее протестные настроения.

Технологический фактор. Ухудшение условий труда, изношенность производственных мощностей повышает уровень травматизма и смертности на предприятиях. Протест может возникнуть из-за несогласия работников ходить на работу в таких условиях, особенно при низкой оплате труда.

Фактор конфликта интересов. Протесты, как отмечали В. Костюшев и В. Горьковенко¹, могут быть проекцией борьбы различных политических или экономических группировок.

Информационный фактор. Ситуация может накаляться благодаря влиянию СМИ.

Факторы следующей группы призваны ответить на вопрос: «из-за чего стало возможным проведение акции?». Здесь отчетливо проявляются различия между стихийными и организованными акциями. К таким факторам относятся:

Фактор массового скопления. Когда на относительно небольшом пространстве собирается много людей, являющихся «носителями» протестных настроений, возникает взрывоопасная ситуация.

Повод. Однако для того, чтобы из «взрывоопасной ситуации» разгорелась протестная акция, необходима «искра» — повод.

Эти два фактора актуальны, прежде всего, для стихийных акций и идут «рука об руку». Ситуация, которую уже, к сожалению, можно назвать классической: рабочие скопились перед заводскими кассами в ожидании обещанных выплат по долгам (фактор массового скопления), однако через некоторое время они узнают, что денег нет (повод). По такому сценарию развивался стихийный митинг и приостановка работы, например, на Таганрогском комбайновом заводе (26–27 февраля и 14–15 мая 2003 г.)²

Фактор появления лидера или инициативной группы, которая готова «повести за собой» протестующих. Это характерно, в первую очередь, для организованных акций. Однако в ряде случаев лидеры или инициативные группы выделяются и в стихийных акциях, возглавляют их.

Как показывает практика, если стихийный протест не «приручит» какая-либо инициативная группа, он в большинстве случаев быстро сходит на нет. В случае Таганрогского комбайнового завода такой группы не появилось, и представителям профкома удалось быстро успокоить народ. В случае же с шахтерами, описанном В. Борисовым, такая группа нашлась, и забастовка захватила практически всю угольную отрасль Украины.

Наконец, третья группа — мотивационные факторы, или факторы участия в акции, которые являются ответами на вопрос: «а почему я, собственно, участвую в акции протеста?». В этой группе можно выделить следующие факторы:

Фактор солидарности / поддержки. В акции люди участвуют по «идейным соображениям», потому что они разделяют требования протестующих, чувствуют общность целей и интересов.

¹ Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Указ. соч. С.153.

² См.: Бюллетень АСТИ. Хроника рабочего движения, 2003, №6, 17.

Активная гражданская позиция. Человек участвует в акции, потому что он считает своим долгом высказаться, и уверен, что от его голоса зависит многое. Именно этот фактор считали основной детерминантой протестной активности сторонники «политического подхода».

Желание набрать политический капитал. Многие организации и отдельные лица принимают участие в акциях, организованных другими, с тем, чтобы попытаться увеличить число сторонников, «засветиться» на публике.

Психологический фактор. Часто участники акции мотивируют свой протест тем, что «лопнуло терпение». Этот фактор обычно зависит от различного рода семейных или личных обстоятельств.

Отметим, что существуют акции (большей частью немногочисленные), в которых понятия «организаторы» и «участники» совпадают, — это, прежде всего, основная часть голодовок. В таких акциях важную роль играет принятие ответственного решения о проведении акции: Самое трудное — это принять действительно серьезное решение. Как правило, решения о проведении забастовки принимаются быстро и внешне безболезненно. Практика последних лет, с многократным переносом начала забастовки, существенно расхолодила людей. Решение о голодовке принимать психологически сложнее: оно предусматривает не только готовность к морально-психологическим потерям (давление со стороны администрации, властей, «организованное» общественное мнение), но и к возможным физическим страданиям¹.

Касаясь психологических аспектов участия в акциях протеста, необходимо заметить, что «забастовки и другие формы открытых конфликтов, выплескивающиеся за ворота предприятий, неизменно привлекают к себе психически неуравновешенных людей»².

Материальное вознаграждение участия. Нередко устроители акции в целях мотивации участников выдают им небольшие суммы денег. Согласно газете «Деловой Петербург», более 50% участников политических акций присутствуют на данных мероприятиях за деньги³. Надо сказать, информации о материальном поощрении участников крайне мало (организаторы всячески стараются сохранить это в тайне, т.к. в противном случае и они, и сама акция рискуют быть дискредитированными в глазах общественности), и появляется она в основном перед выборами.

Вынужденное участие. В ряде случаев люди вынуждены участвовать в протестных акциях ввиду членства в той или иной организации. Информации об этом явлении тоже крайне мало ввиду аналогичных причин.

В каждом конкретном случае степень влияния каждого из факторов является, безусловно, различной. Приведенный выше список, безусловно, может быть дополнен (для чего необходимы отдельные исследования протестных действий), однако новые факторы, очевидно, попадут в одну из выделенных групп.

Попытаемся на основе анализа временных рядов просмотреть взаимосвязи между переменными трех типов: (1) показателями реальной протестной активности, (2) показателями протестных настроений, декларируемой протестной активности и (3) индикаторами факторов протестной активности. Далеко не все факторы могут быть выражены количественными индикаторами. Поэтому попытаемся проверить влияние *экономического* фактора, факторов *депривации, лояльности* и *ожиданий* на оценку респондентами степени социальной напряженности в обществе и их готовность к активному протесту. Дополнительно мы дадим примеры конкретных акций и рассмотрим механизмы протеста.

Корреляционный анализ выявляет значимую положительную связь между показателями протестных настроений и оценками степени социальной напряженности (данные ВЦИОМ), с одной стороны, и забастовочной активностью (данные Госкомстата) — с другой.

¹ Сайтов М., Савонин Е. Технология протеста. Голодовка // Профсоюзное обозрение, 2001, июль-авг. С.10.

² Борисов В. Ночное домино на Октябрьской площади: Социологические заметки о забастовке в Донбассе (7-20 июня 1993 года). М.: РОССПЭН, 1999. С.16.

³ Митинги – наша профессия // Деловой Петербург, 1999, 15 нояб.

Табл. 9. Взаимосвязь показателей реального протеста и протестных настроений.

		МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ВОЗМОЖНЫ	СКОРЕЕ ВСЕГО, ПРИМУ В НИХ УЧАСТИЕ
ЧИСЛО УЧАСТНИКОВ ЗАБАСТОВОК	КОЭФФИЦИЕНТ КОРРЕЛЯЦИИ	,509	,527
	ЗНАЧИМОСТЬ	,000	,000

Индикаторами *экономического* фактора являются показатели реального дохода, реальной начисленной заработной платы, реальной пенсии, реальной задолженности по зарплате¹ и уровня инфляции за 1996-2002 гг.

Указанный временной промежуток можно поделить на две части: до кризиса 17 августа 1998 г. и после него. «Докризисный» период характеризуется относительно низким ростом уровня цен, практически неизменными показателями уровня реальных доходов, реальной заработной платы, реальной пенсии и катастрофическим ростом задолженности по заработной плате. В результате августовского кризиса материальное положение россиян заметно ухудшилось. Наблюдался скачкообразный рост уровня цен, резкое падение показателей реального дохода, заработной платы и пенсии. Однако именно в этот период начались погашаться долги по зарплате (во многом из-за девальвации рубля). Началом «посткризисного» периода можно считать январь 1999 г. С этого времени в экономике наблюдается низкий уровень инфляции (в некоторых месяцах имели место дефляционные процессы), устойчивый (хотя и медленный) рост реальных доходов, зарплат и пенсий и устойчивое снижение реальной задолженности по зарплате.

В качестве индикатора *депривационного* фактора используем разработанный ВЦИОМ индекс «запаса прочности», получаемый как сумма числа опрошенных, выбравших варианты «Все не так плохо, и можно жить» и «Жить трудно, но можно терпеть», поделенная на число выбравших вариант «Терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (затруднившиеся ответить не учитываются). При значении индекса меньше 1, в обществе преобладают депривационные настроения.

До августовского кризиса наблюдалась тенденция к постепенному снижению значений индекса. Пик лета 1996 г., связанный, видимо, с президентскими выборами, сменился «провалом» сентября 1996 г. — марта 1997 г., совпавшим с повышенной забастовочной активностью. Следующий «провал» связан с августовским кризисом и приходится на сентябрь 1998 г. (тогда 60,7% сказали, что терпеть их бедственное положение уже невозможно, а значение индекса составило рекордно низкие 0,55). С января по сентябрь 1999 г. наблюдается стабилизация индекса на уровне 1. Несмотря на начавшийся экономический рост и погашение долгов по зарплате, население проявляет сдержанность в оценках своего положения: воспоминания о дефолте и скачке цен еще слишком свежи. Лишь с приходом к власти В. Путина индекс «запаса прочности» пошел вверх, и к июлю 2001 г. достиг значения 3,6. На этом уровне (с незначительными флуктуациями) он сохранился в последующие годы.

Фактор *лояльности* оценивается показателями поддержки власти. Это индекс поддержки реформ, который разработан ВЦИОМ и равен отношению позиций «реформы следует продолжать» и «реформы следует прекратить» (затруднившиеся ответить не учитываются). Если его значение меньше 1, то в обществе преобладают антиреформистские настроения, общество не лояльно к существующей власти; если больше 1, то общество в целом поддерживает проводимый курс. Другой показатель — оценка деятельности президента и председателя правительства по десятибалльной шкале (от 1 «самая низкая» до 10 «самая высокая»).

После летнего пика (1996 г.), связанного с президентскими выборами, и до августовского кризиса наблюдается неуклонное снижение поддержки населением существующей власти. В сентябре 1998 г. этот показатель достигает своего минимума и держится так до сентября 1999 г., когда наблюдается сначала рост поддержки В.Путина — сначала как председателя прави-

¹ Указанные реальные показатели были получены путем корректировки номинальных на величину ИПЦ.

тельства, потом — как и.о. президента и президента РФ. С марта 2000 г. наблюдается стабильно высокая (на уровне 5,5–6) оценка деятельности президента (причем можно отметить тенденцию к постепенному росту поддержки президента). Что же касается деятельности правительства, то после начала председательства М.Касьянова наблюдается снижение оценки с 6 до 4,5 (к марту 2000 г.) и потом — постепенный рост этого показателя. «Всплеск» поддержки реформ января-мая 2000 г. можно связать с президентскими выборами. К ноябрю 2000 г. он проходит, и начинается медленный, но стабильный рост поддержки реформ.

Индикаторы фактора *ожиданий* — разработанные ВЦИОМ показатели политического и экономического оптимизма. Они рассчитываются как отношение суммы ответивших «Значительное улучшение ситуации» и «Некоторое улучшение ситуации» к сумме ответивших «Незначительное ухудшение ситуации» и «Значительное ухудшение ситуации» (вопросы: «Что ожидает Россию в ближайшие годы в политической жизни» и «Что ожидает Россию в ближайшие годы в области экономики?») Затруднившиеся ответить не учитываются. Таким образом, если значение индексов превышает 1, то в обществе преобладают оптимистичные настроения. Теснейшая взаимосвязь индексов ($r=0.991$) позволяет перейти к использованию сводного индекса политико-экономического оптимизма (далее — сводный индекс оптимизма, СОИ), рассчитываемого как среднее арифметическое значений индексов политического и экономического оптимизма.

До сентября 1999 г. наблюдалось медленное снижение уровня оптимизма населения (правда, здесь наблюдается два небольших «всплеска» — в июле 1996 г. и сентябре 1997 г.). Однако после сентября 1999 г. следует резкий рост оптимистичных настроений, связанный с приходом к власти В. Путина (сначала как премьер-министра, позже — как и.о. Президента и Президента РФ). «Пик оптимизма» приходится на май 2000 г., что, видимо, связано с президентскими выборами. Далее следует резкое падение значений индекса и с 2001 г. — его относительная стабилизация в пределах 1-1,5. Связанная с выборами эйфория прошла, и люди начали более трезво оценивать собственное будущее. Отметим, что в течение рассматриваемого периода население России было несколько более оптимистично относительно политической жизни, нежели экономики страны.

Еще одним индикатором фактора являются показатели оптимизма относительно собственного будущего, т.е. ответы респондентов на вопрос «В течение ближайшего года Ваша жизнь наладится, или улучшения не произойдет?». Этот индекс ожиданий исчисляется как отношение числа выбравших вариант «Более или менее наладится» к числу выбравших «Никакого улучшения не произойдет» (затруднившиеся ответить не учитываются). Население России проявляет большую сдержанность в оценках собственного будущего по сравнению с будущим политической и экономической системы страны. Если СОИ достигал в мае 2000 г. значения 2,6 (а индекс политического оптимизма в тот же период — 3), индекс ожиданий никогда не превышал 0,8. То есть доля граждан, считавших, что никакого улучшения ситуации в ближайшее время не произойдет, была все время выше, чем доля веривших в улучшение ситуации. Это особенно заметно в период с января 1996 г. по сентябрь 1999 г. Далее наблюдаются флуктуации значений индекса (который, однако, до значений «ельцинской эпохи» не опускается), включая два «всплеска» — в мае 2000 г. (0,75) и в январе 2002 г. (0,8).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Корреляционный анализ показал, что ни реальный доход, ни реальная зарплата, ни реальный размер пенсии не оказывает влияния на число бастующих и на показатели протестных настроений.

Наиболее значимым фактором является размер задолженности по заработной плате. Значима также корреляция между уровнем инфляции и показателями протестных настроений. Однако, если исключить из анализа явный «выброс» сентября 1998, связанный с разразившимся кризисом, модель существенно ухудшается, что говорит об отсутствии реальной зависимости. Выяснилось также, что такие индикаторы материального положения населения,

как реальная зарплата, реальный доход и реальный размер пенсии практически не оказывают влияния как на протестные настроения, так и на реальную протестную активность.

При росте реальной задолженности по заработной плате темпы увеличения доли респондентов, говорящих о возможности прохождения акций протеста, превосходят темпы роста числа респондентов, заявивших о готовности участвовать в этих акциях. Однако при изучении связи показателей реальной протестной активности и задолженности по зарплате мы сталкиваемся с большим разбросом значений первого показателя, что не позволяет построить качественную регрессионную модель ($r^2 = 0,198$).

Зависимость между реальной задолженностью по зарплате и показателями декларируемого протеста имеет линейный характер и может быть выражена формулами:

1. Зависимость оценок социальной напряженности от реальной задолженности по зарплате: $y = 15,5 + 10,2x$ ($r^2 = 0,751$)

2. Зависимость декларируемой готовности принять участие в протестных действиях от реальной задолженности по зарплате: $y = 18,4 + 3,6x$ ($r^2 = 0,459$)

При росте реальной задолженности по заработной плате темпы увеличения доли респондентов, говорящих о возможности прохождения акций протеста, превосходят темпы роста числа респондентов, заявивших о готовности участвовать в этих акциях. Однако при изучении связи показателей реальной протестной активности и задолженности по зарплате мы сталкиваемся с большим разбросом значений первого показателя, что не позволяет построить качественную регрессионную модель ($r^2 = 0,198$).

Зависимость между реальной задолженностью по зарплате и показателями декларируемого протеста имеет линейный характер и может быть выражена формулами:

3. Зависимость оценок социальной напряженности от реальной задолженности по зарплате: $y = 15,5 + 10,2x$ ($r^2 = 0,751$)

4. Зависимость декларируемой готовности принять участие в протестных действиях от реальной задолженности по зарплате: $y = 18,4 + 3,6x$ ($r^2 = 0,459$)

Табл. 10. Влияние экономического фактора на показатели реального протеста и протестных настроений

			Уровень инфляции	Реальный доход	Реальная зарплата	Реальная пенсия	Реальная задолженность по зарплате
Показатели реальной протестной активности	Число участников забастовок	Коэффициент корреляции	,197	,041	-,127	,095	,446
		Значимость	,072	,712	,249	,389	,000
Показатели протестных настроений	Массовые выступления протеста возможны	Коэффициент корреляции	,334	-,089	-,195	,055	,866
		Значимость	,002	,420	,076	,619	,000
	Скорее всего, приму участие в массовых выступлениях	Коэффициент корреляции	,373	-,184	-,271	-,064	,678
		Значимость	,000	,093	,013	,561	,000

Примечание. Значимые коэффициенты корреляции выделены жирным шрифтом

Модель эта представляется в высшей степени интересной: до определенного предела (примерно до 1,7, т.е. до суммы, превышающей общую задолженность по зарплате на 1 января 1996 г. в 1,7 раз) увеличение задолженности ведет к активизации забастовочного движения, и зависимость имеет ярко выраженный линейный характер. Дальнейшее ухудшение ситуации с долгами ведет к непредсказуемым последствиям: либо произойдет социальный взрыв, либо, напротив, люди откажутся протестовать и смирятся со своим бедственным положением. А. Бузгалин, касаясь ситуации на Выборгском ЦБК, замечает, что за несколько лет до известных событий 13–14 октября 1999 г. (попытка вооруженного захвата предприятия его собственником, закончившаяся кровопролитным противостоянием работников и

спецназовцев отряда «Тайфун»), «предприятие не работало, а работники питались грибами и снытью из близлежащих лесов, они были вялы и пассивны»¹.

ДЕПРИВАЦИЯ

Характер зависимости показателей протестных настроений от значений индекса «запаса прочности» сходен: до определенного момента наблюдается обратная линейная зависимость, однако при значениях индекса более 2,5 (т.е. когда доля считающих, что «*Все не так плохо, и можно жить*» и «*Жить трудно, но можно терпеть*» существенно превышает долю полагающих, что «*Терпеть наше бедственное положение уже невозможно*») связь пропадает, и значения показателей протестных настроений стабилизируются (примерно на уровне 20%).

Табл. 11. Взаимосвязь запаса прочности населения и показателей реальной протестной активности и протестных настроений

			Индекс «запаса прочности»
Показатели реальной протестной активности	Число участников забастовок	Коэффициент корреляции	-,421
		Значимость	,000
Показатели протестных настроений	Массовые выступления протеста возможны	Коэффициент корреляции	-,783
		Значимость	,000
	Скорее всего, приму участие в выступлениях протеста	Коэффициент корреляции	-,708
		Значимость	,000

Коэффициент детерминации у обеих моделей достаточно высок: 0,78 (модель зависимости оценок социальной напряженности от индекса «запаса прочности») и 0,75 (модель зависимости декларируемой готовности принять участие в протестных выступлениях от индекса «запаса прочности»). Модель зависимости реального забастовочного протеста от индекса «запаса прочности» имеет схожий вид: обратная линейная связь до значения индекса 2,5, и далее — константа.

В показателях реальной забастовочной активности при наименьших значениях индекса «запаса прочности» наблюдается серьезный разброс, говорящий, опять же, о непредсказуемости развития такой ситуации в действительности или же влиянии иных факторов, не учтенных в данной модели. Между показателем «запаса прочности» и оценкой возможности проведения мероприятий существует статистическая связь (значимость Хи-квадрат = 0,000 для обоих рассматриваемых случаев). То же самое можно сказать и про связь первого с готовностью принять участие в акциях протеста.

Табл. 12. Влияние депривационного фактора на показатели протестных настроений.

	«Запас прочности» населения	
	Сентябрь 1998 г.	Май 2000 г.
Оценка возможности массовых выступлений	-0,212	-0,15
Готовность принять участие в массовых выступлениях	-0,283	-0,183

Гипотеза о влиянии депривационного фактора на протестные отношения подтвердилась как на макро-, так и на микроуровне. Коэффициенты корреляции говорят об обратной связи «запаса прочности» населения, с одной стороны, и показателей протестных настроений, с другой: чем больше запас прочности, тем меньше оцениваемая вероятность протестных акций и ниже готовность участвовать в них.

¹ Бузгалин А.В. От отчаяния к конструктивным действиям: протестное рабочее движение в России 90-х превращается в альтернативное. // Альтернативы, 1999, №4. С.52.

Политическая лояльность

Показатели поддержки власти оказывают сильное влияние на протестные настроения — чем лучше общество относится к проводимому властью курсу, тем ниже оцениваемая вероятность прохождения массовых протестных акций и готовность принять в них участие. На забастовочную активность этот фактор также оказывает влияние, однако оно гораздо менее значимо.

Зависимость протестных настроений населения от индикаторов фактора лояльности носит линейный характер, причем регрессионные модели достаточно хорошо описывают реальность. Что касается зависимости реальной забастовочной активности от показателей лояльности к власти, то качество моделей, отражающих эту зависимость, существенно ниже, что связано с большим разбросом значений показателя реальной протестной активности. При этом можно выделить, критические значения: при оценке деятельности Президента ниже 3,5 и деятельности Председателя Правительства ниже 4, а также если индекс поддержки реформ принимает значения менее 1,3, возможны как массовые выступления протеста, так и, напротив, «социальная апатия», «социальное отчаяние». В то же время, при других значениях указанных индикаторов наблюдается обратная линейная связь между индикаторами фактора лояльности и реальной забастовочной активностью.

Табл. 13. Влияние уровня поддержки власти на реальную протестную активность и протестные настроения.

			Индекс поддержки реформ	Оценка деятельности президента	Оценка деятельности председателя правительства
Показатели реальной протестной активности	Число участников забастовок	Коэффициент корреляции	-,396	-,383	-,312
		Значимость	,000	,000	,004
Показатели протестных настроений	Массовые выступления протеста возможны	Коэффициент корреляции	-,790	-,783	-,809
		Значимость	,000	,000	,000
	Скорее всего, приму участие в выступлениях протеста	Коэффициент корреляции	-,813	-,792	-,752
		Значимость	,000	,000	,000

Табл. 14. Характер влияния поддержки власти на показатели реального протеста и протестных настроений.

	Оценка деятельности президента	Оценка деятельности председателя правительства	Индекс поддержки реформ
Число участников забастовок	$y = 79,8 - 13,1x$ ($r^2 = 0,147$)	$y = 101,4 - 18,8x$ ($r^2 = 0,097$)	$y = 120,2 - 66,6x$ ($r^2 = 0,157$)
Массовые выступления протеста возможны	$y = 44,4 - 4,4x$ ($r^2 = 0,613$)	$y = 52,8 - 8x$ ($r^2 = 0,654$)	$y = 57,3 - 21,9x$ ($r^2 = 0,624$)
Скорее всего, приму участие в выступлениях протеста	$y = 30,3 - 2x$ ($r^2 = 0,627$)	$y = 35,4 - 3,3x$ ($r^2 = 0,565$)	$y = 36,4 - 10,1x$ ($r^2 = 0,661$)

В качестве индикаторов данного фактора мы используем показатель поддержки реформ (вопрос «*Экономические реформы сейчас нужно продолжать или их следует прекратить?*»), затруднившиеся ответить исключены из анализа) и оценку деятельности президента и председателя правительства по 10-балльной шкале.

Между большей частью индикаторов фактора лояльности и показателями протестных настроений существует значимая обратная связь, что подтверждает наши гипотетические предположения. Единственным исключением является то, что в «спокойном» мае 2000 оценка деятельности властей практически не оказывала влияния на протестные настроения — видимо в этот период большую роль играли другие факторы протеста.

Табл. 15. Влияние фактора лояльности на показатели протестных настроений.

	Оценка возможности массовых выступлений		Готовность принять участие в массовых выступлениях	
	Сентябрь 1998 г.	Май 2000 г.	Сентябрь 1998 г.	Май 2000 г.
Поддержка реформ (коэффициент Пирсона)	-0,162	-0,069	-0,272	-0,223
Оценка деятельности президента (коэффициент Спирмана)	-0,120	-0,027	-0,216	-0,134
Оценка деятельности председателя правительства (коэффициент Спирмана)	-0,151	-0,043	-0,208	-0,107

ОЖИДАНИЯ

Фактор ожиданий также оказывает значимое влияние на показатели протеста: чем более оптимистично люди смотрят в завтрашний день, тем меньше их готовность протестовать. Зависимость показателей декларируемого протеста от индикаторов фактора ожиданий носит линейный характер. Если же говорить о показателях реальной забастовочной активности, то мы наблюдаем следующую картину: до некоторой критической точки (индекс оптимизма = 0,5, индекс ожиданий = 0,35) наблюдается отсутствие связи, однако когда индексы фактора ожиданий принимают значения ниже «критических», наблюдается ситуация неопределенности: с одной стороны, общество может взорваться, но, с другой стороны, протестная активность может сойти на «нет».

На основе анализа временных рядов было обнаружено влияние экономического, депривационного факторов, факторов лояльности и ожиданий на показатели забастовочной активности и протестных настроений. Зависимость показателей протестных настроений от индикаторов указанных факторов имеет высокую значимость и выражается линейными уравнениями. Коэффициент детерминации для большинства таких моделей держится на уровне 0,6–0,7.

Табл. 16. Влияние индикаторов фактора ожиданий на реальную протестную активность и протестные настроения

		Индекс оптимизма	Индекс ожиданий
Число участников забастовок, тыс. человек	Коэффициент корреляции	-,419	-,392
	Значимость	,000	,000
Массовые выступления протеста возможны	Коэффициент корреляции	-,813	-,841
	Значимость	,000	,000
Скорее всего, приму участие в выступлениях протеста	Коэффициент корреляции	-,809	-,828
	Значимость	,000	,000

Табл. 17. Характер влияния уровня оптимизма населения на показатели реального протеста и протестных настроений.

	Индекс оптимизма	Индекс ожиданий
Число участников забастовок, тыс. человек	$y = 63,6 - 45,2x$ ($r^2 = 0,175$)	$y = 61,8 - 98,6x$ ($r^2 = 0,153$)
Массовые выступления протеста возможны	$y = 38,3 - 14,5x$ ($r^2 = 0,661$)	$y = 43,6 - 43,1x$ ($r^2 = 0,706$)
Скорее всего, приму участие в выступлениях протеста	$y = 27,5 - 6,4x$ ($r^2 = 0,655$)	$y = 29,7 - 18,8x$ ($r^2 = 0,685$)

Что же касается показателя реальной протестной активности, то качество регрессионных моделей с их участием гораздо ниже (r^2 на уровне 0,1–0,2), что связано с большим разбросом значений этого показателя в случае «неблагоприятной ситуации». Были также выявлены «критические точки», при «переходе» через которые общество может как взорваться, так и, напротив, погрузиться «в уныние и отчаяние».

Полученные результаты можно интерпретировать только на макроуровне, как взаимосвязь тенденций в обществе. Однако насколько сильны эти взаимосвязи на микроуровне? Насколько, скажем, оценка деятельности президента конкретным респондентом влияет на его же протестные настроения?

В качестве индикаторов данного фактора были использованы переменные, соответствующие вопросам «*Что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни / в области экономики?*» (ранговая, далее — показатель политического и экономического оптимизма соответственно), «*В течение ближайшего года Ваша жизнь наладится, или улучшения не произойдет?*» (дихотомическая, далее — показатель ожиданий). Затруднившиеся ответить были исключены из анализа. В результате корреляционного анализа выяснилось, что показатель ожиданий не оказывает влияния на оценку респондентом возможности массовых выступлений. Также показательно, что в мае 2000 г. ни один из индикаторов фактора ожиданий не оказал значимого влияния на оценку респондентом возможности массовых выступлений.

Табл. 18. Влияние фактора ожиданий на показатели протестных настроений.

	Оценка возможности массовых выступлений		Готовность принять участие в массовых выступлениях	
	Сентябрь 1998 г.	Май 2000 г.	Сентябрь 1998 г.	Май 2000 г.
Политический оптимизм (Коэффициент Спирмана)	-0,183	-0,027	-0,17	-0,22
Экономический оптимизм (Коэффициент Спирмана)	-0,161	-0,048	-0,142	-0,117
В течение ближайшего года Ваша жизнь наладится, или улучшения не произойдет? (Коэффициент Пирсона)	-0,054	0,015	-0,11	-0,127

Во всех прочих случаях индикаторы фактора ожиданий имеют значимую обратную связь с показателями протестных настроений.

Отметим, что связь на микроуровне между индикаторами факторов *депривации*, *лояльности* и *ожиданий* относительно слаба, и в ряде случаев незначима, однако характер ее соответствует гипотетическим предположениям. Это говорит как о влиянии указанных факторов на протестные настроения, так и о наличии прочих факторов, обуславливающих протестные настроения каждого конкретного респондента.

В реальности, как мы видели, существуют некоторые «критические точки», критические значения индикаторов, до которых эти факторы не оказывают влияния, или зависимость носит линейный характер, однако при переходе через эти отметки общество попадает в ситуацию, близкую к неопределенности: с одной стороны, может произойти социальный взрыв, выражающийся в массовых продолжительных забастовках, с другой — напряженность может накапливаться (протестная активность будет на удивление низкой), однако малейшей искры, малейшего повода будет достаточно для того, чтобы разгорелись неконтролируемые протестные действия.

Высокий разброс показателей реальной протестной активности после «критических точек» позволяет говорить, во-первых, о наличии прочих факторов протеста, которые не могут быть выражены количественно (что еще раз указывает на необходимость обращения к методам качественной социологии при изучении социального протеста), а, во-вторых, о существовании особой категории факторов, которую мы условно можем назвать сдерживающими. Именно влиянием этих факторов можно объяснить, почему даже в случае возникновения конфликтной, напряженной ситуации люди не идут на активные протестные действия. Это могут быть факторы психологического, политического, культурного, религиозного плана, также сдерживающим эффектом могут обладать некоторые действия «мишени протеста» (например, в случае возникновения предзабастовочной ситуации администрация предприятия может выплачивать долги по зарплате части работников, тем самым «расколов» их на «получивших» и «не получивших», что негативно сказывается на их солидарности).

Полученные результаты дают основания считать справедливой и актуальной классификацию, приведенную в работе В. Костюшева и В. Горьковенко¹. С одной стороны, существуют протестные акции, участники которых выражают свою гражданскую позицию, свои требования, и такие акции ведут к развитию демократических механизмов в стране. С другой стороны, на некоторых акциях транслируются требования определенных группировок, борющихся за политическую или экономическую власть, и такие акции вряд ли можно назвать выражением воли рядовых граждан, способствующим развитию демократических процессов.

С приходом к власти В.Путина протестная активность заметно снизилась, что можно связать с относительно стабильным и благополучным (по сравнению с ельцинской эпохой) положением в экономике и обществе в целом (зарплата растет, долги сокращаются, цены не скачут, появилась уверенность в завтрашнем дне). Однако в такой ситуации более заметную роль начинают играть такой фактор, как конфликт интересов. Его влияние наблюдалось и в менее спокойных периодах истории России, однако тогда и влияние других факторов было высоко.

В ближайшие годы вряд ли можно ожидать роста протестной активности. Как уже было отмечено выше, второму президенту России удалось достичь социально-экономической стабильности. С другой стороны, действующая власть предпримет все усилия для того, чтобы погасить любые очаги социальной напряженности и снизить протестные настроения до минимума. Примеры этого в отечественной истории имеются.

¹ Костюшев В.В., Горьковенко В.В. Указ. соч. С.153.